Переход от «военного коммунизма» к нэпу — ради крестьян или рабочих?

Юрий Жуков

The transition from «war communism» to NEP — for the sake of peasants or workers?

Yuriy Zhukov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870009258-4

Вот уже без малого 100 лет, как большинство отечественных и зарубежных историков не сомневаются, что отказ от «военного коммунизма» начался с доклада председателя СНК РСФСР В.И. Ленина X съезду РКП(б) 15 марта 1921 г. При этом данный шаг был сделан исключительно для облегчения положения замученных продразвёрсткой крестьян. Между тем материалы, хранящиеся в РГАСПИ, свидетельствуют об ином. Сокрушили «военный коммунизм» рабочие Петрограда и Москвы. Открытыми выступлениями, забастовками они показали, что, следуя прежним курсом, большевики потеряют своего единственного союзника — пролетариат.

Практику «военного коммунизма» всегда связывали с продразвёрсткой — принудительным изъятием государством у крестьян сельскохозяйственной продукции. При этом забывают о том, что продразвёрстка началась ещё в конце 1916 г. Официально же её ввело Временное правительство 25 марта 1917 г. законом о хлебной монополии, согласно которому крестьяне обязаны были сдавать государству хлеб по твёрдым ценам, за исключением потребного для посева и личного потребления¹.

Следующий признак «военного коммунизма» — нормированное распределение продуктов питания и предметов широкого потребления — тоже не является присущим лишь Советской России периода Гражданской войны. Такое распределение было характерно для всех крупных держав — участниц Первой мировой войны (Великобритании, Германии, Франции и Австро-Венгрии), став одной из производных военной экономики.

В действительности наиболее яркой чертой «военного коммунизма» оказалась милитаризация труда, свойственная лишь РСФСР, но длившаяся чуть более года. 28 ноября 1919 г. возглавлявшийся Лениным Совет рабочей и крестьянской обороны (СО, с апреля 1920 г. — СТО) принял постановление, изменившее всю внутреннюю политику страны. В нём указывалось: «В целях обеспечения важнейших государственных учреждений и предприятий необходимым составом рабочих и служащих с наименьшим ущербом интересам этих учреждений и предприятий к делу укомплектования Красной армии... правильная и непрерывная работа которых признаётся государственно необходимой,

© 2020 г. Ю.Н. Жуков

¹ Хитрина Н.Е. Аграрная политика Временного правительства в 1917 году. Н. Новгород, 2001. С. 19—20.

могут быть обеспечиваемы надлежащим личным составом милитаризацией таковой:

а) весь личный состав его, без различия пола и возраста, лишается права оставлять службу в нём по собственному желанию и может быть уволен не иначе, как с согласия соответствующего органа управления; б) самовольное оставление службы карается как дезертирство по законам военного времени; в) рабочие и служащие, сверстники коих по возрасту и своему званию уже призваны в данной местности на действительную воинскую службу, также считаются состоящими на таковой»².

Таким образом, библейский принцип «не работающий да не ест» (закреплённый «Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа», первой Конституцией РСФСР и «Кодексом законов о труде»), превратившийся поначалу в чисто декларативную всеобщую трудовую повинность, стал принудительным трудом, отягощённым воинскими порядком и дисциплиной. Явствующими из использования термина «милитаризация» и сути пункта «б», исключаящим возможность для профсоюзов защищать права трудящихся, последние превращались в некое подобие крепостных крестьян. Правда, мотивы данного постановления — интересы укомплектования Красной армии, — недвусмысленно указывая на его инициатора, Реввоенсовет Республики (РВСР), вызывают весьма серьёзные сомнения.

Нельзя объяснить милитаризацию квалифицированных рабочих заботой об армии, достигшей к концу Гражданской войны огромной численности — 5,5 млн человек, впрочем, как и недостатком рабочих рук. Из-за острой нехватки топлива и сырья фабрики и заводы начали повсюду закрываться, что привело к разрыву между предложением рабочих мест и их большим спросом. Следовательно, причиной милитаризации стало нечто иное.

12 января 1920 г. Ленин получил телеграмму от РВС 3-й армии, находившейся на Урале и уже не участвовавшей в боевых действиях. В обращении к Владимиру Ильичу содержалась просьба, явно инспирированная председателем РВСР Л.Д. Троцким: не распускать армию, а, сохранив её как воинское формирование, направить на восстановление народного хозяйства страны. Всецело одобрив эту, более чем странную инициативу, в тот же день глава правительства взял её под защиту на заседании комфракции пленума Всероссийского центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС). Став открытым сторонником выступившего перед ним с защитой трудовых армий Троцкого, Ленин заявил: «Армия... это... аппарат, в котором есть возможность принуждения и дисциплины». Далее, возражая своим оппонентам, он пояснил: «Стыдно говорить об аракчеевщине — это довод дешёвого либерализма, это самая дешёвая демагогия, назвать социалистическую армию, которая развила эту дисциплину как никогда, которая отдала на голодную жертву рабочих Петрограда и Москвы... аракчеевщиной... Чтобы заняться строительством, нужно миллионы рабочих двинуть на работы. Говорят: хорошо, пусть рабочие из армии придут домой. Но никто не идёт не потому, что все знают, что здесь голод. Они останутся в своих местах». В качестве самого веского довода Ленин добавил: «Вы разве не знаете, что [Ж.] Клемансо (премьер-министр Франции с 16 ноября 1917 г. по 18 января 1920 г. — Ю.Ж.) сказал, что “я Польшу и

² Декреты советской власти (далее — ДСВ). Т. VI. М., 1973. С. 318—320.

Румынию двину»? Как же вы демобилизуете армию?» и заключил: «Всякий разумный рабочий поймёт нас и одобрит»³.

Уже на следующий день Ленин сообщил о вышеназванной телеграмме на заседании СНК, а 15 января СО преобразовал 3-ю армию в 1-ю трудовую. За три следующих месяца таковыми стали ещё семь армий (то же собирались сделать с 7-й, но её «отстоял» член Политбюро ЦК РКП(б) (ПБ) Г.Е. Зиновьев). С 21 января началась официальная (по постановлению СО) милитаризация различных отраслей промышленности: топливной, железных дорог, водного транспорта, машиностроительной и др. Для плановой милитаризации 3 февраля постановлением СО создали Главный комитет по проведению трудовой повинности, который возглавили пять человек: по два представителя от Наркомвоена и Наркомвнудел, один — от Наркомтруда. А завершил своеобразное закабаление трудящихся IX съезд РКП(б), на котором сразу после рутинных отчётов ЦК (Ленина — о политической деятельности и Н.Н. Крестинского — об организационной) Троцкий выступил с основным докладом «Очередные задачи хозяйственного строительства». Этим докладом он фактически признал своё авторство в создании трудовых армий (из красноармейцев — вчерашних крестьян) и милитаризации (из квалифицированных рабочих).

Троцкий отметил, что совсем недавно насчитывалось 1,15 млн рабочих, из которых уже 300 тыс., не пожелавших смириться с новой организацией труда, ушли в деревню, на другие предприятия, «дезертировали». Поэтому наркомвоен предложил некую панацею: «В военной области имеется соответствующий аппарат, который пускается в действие для принуждения солдат к исполнению своих обязанностей. Это должно быть в том или другом виде и в области трудовой. Рабочая масса не может быть бродячей Русью. Она должна быть перебрасываема, назначается, командироваема точно так же, как солдаты. Это есть основа милитаризации труда, и без этого ни о какой промышленности на новых основаниях серьёзно говорить в условиях разрухи и голода мы не можем».

Далее Троцкий затронул вопрос, который уже заставил отложить первый созыв 3-го Всероссийского съезда профсоюзов с начала марта на 6 апреля, т.е. после съезда партии. «ВЦСПС, — заявил Лев Давидович, — совместно с Комиссариатом труда по соглашению с соответствующими хозяйственными органами (имелся в виду ВСНХ. — Ю.Ж.) перебрасывают рабочих с завода на завод и карают или прибегают к государственному органу для кары по отношению к тем, которые не выполняют их плановых нарядов. Это есть милитаризация рабочей силы, милитаризация промышленности»⁴.

Говоря так, Троцкий выдавал желаемое за действительное. Ведь прикрыть милитаризацию удобнее всего было профсоюзами, но те не спешили подписывать себе смертный приговор. Ещё до начала съезда партии выяснилось отрицательное отношение к такой организации труда председателей ЦК союзов металлистов А.Г. Шляпникова и текстильщиков — И.М. Кутузова, а в ходе съезда — и председателя Президиума ВЦСПС М.П. Томского. Последний, выступая в прениях по докладу Троцкого, заявил: «Для нас многих является неясным — за это, я полагаю, нельзя нас упрекнуть, — что такое милитаризация, и в практическом отношении это до сих пор остаётся непродуманным». И добавил, говоря о Главкомтруде: «В этом комитете несерьёзное отношение к делу.

³ РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 12500, л. 3—5.

⁴ Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М., 1960. С. 93—94.

Это маниловский подход»⁵. Однако возражения на съезде партии оказались столь малочисленными, нерешительными, что резолюция по докладу Троцкого безоговорочно одобрила «мобилизацию индустриального пролетариата, трудовую повинность, милитаризацию хозяйства и применение воинских частей для хозяйственных нужд»⁶.

Противоположная оценка организации принудительного труда прозвучала на открывшемся 6 апреля 3-м Всероссийском съезде профсоюзов, правда, только из уст делегатов-меньшевиков. Выступивший как содокладчик Ф.И. Дан отстаивал полную независимость профсоюзов, а Р.А. Абрамович язвительно заметил: «Чем же ваш социализм отличается от египетского рабства? Приблизительно таким путём фараоны строили пирамиды, принуждая массы к труду»⁷. Не менее критически отозвались о милитаризации и другие меньшевики. И. Бер, Д.Ю. Далин резко нападали на идеи Троцкого, хотя ни Томский в своём отчётном докладе, ни П.П. Глебов-Авилов, член президиума ВЦСПС, ни словом о том не обмолвились.

Тем не менее большевистской фракции съезда удалось провести такую итоговую резолюцию, в которой хотя и не поддерживалась, но и не осуждалась милитаризация труда: «3-й Всероссийский съезд профсоюзов приветствует переход к практическому проведению всеобщей трудовой повинности и считает, что в этой работе союзы должны: 1. Неуклонно следить за тем, чтобы работников во всех учреждениях, предприятиях и хозяйствах не переводили на другие работы без разрешения соответствующих союзных органов..; 3. Участвовать в проведении контроля как за правильным привлечением населения к повинности, так и за целесообразным и рациональным использованием привлекаемых; 4. Участвовать в установлении норм выработки и развёрсток, возложенных на привлечённых по трудовой повинности; 5. Участвовать в контроле за соблюдением всех положений Кодекса законов о труде»⁸.

Несмотря на расплывчатую, даже противоречивую резолюцию, шесть месяцев спустя профсоюзы отказались от столь оппортунистической позиции. Поводом послужила реорганизация по предложению Троцкого Центрального комитета союза железнодорожного и водного транспорта (Цектрана) — ликвидация в нём выборного начала и введение назначенства. Главой его утвердили А.П. Розенгольца, никогда прежде не имевшего отношения к профсоюзам (в годы Гражданской войны он был членом РВСР, РВС ряда армий и фронтов, одним из ближайших соратников Троцкого). Одновременно Розенголец стал начальником Главного политического управления Наркомата путей сообщений (Главполитпути) — органа, повторившего своими задачами и правами на железных дорогах Политическое управление РККА.

Томский пытался обжаловать такое решение Оргбюро, но 25 августа его подтвердило ПБ. И всё же новое возражение последовало на открывшейся 3 ноября 5-й Всероссийской конференции профсоюзов во время выступления члена ЦК РКП(б), члена Президиума ВЦСПС Я.Э. Рудзутака. «*В настоящий момент Гражданской войны* (здесь и далее выделено мной. — Ю.Ж.), конечно, можем несколько поступиться, — констатировал он, — *мы можем организовать*

⁵ Там же. С. 163.

⁶ Там же. С. 406.

⁷ Третий Всероссийский съезд профсоюзов. Вып. 1. М., 1921. С. 97.

⁸ Правда. 1920. 14 апреля.

нечто такое, что в общем и целом не соответствует ни революции, ни словам, которые везде говорятся... А завтра враг будет повержен, и какие меры, какие способы у нас будут, для того чтобы приступить к организации производства? То объяснение, которое мы даём сегодня, что мы должны ввести трудовую мобилизацию и бороться с трудовым дезертирством во имя Гражданской войны, мы не сможем давать при переходе к мирному строительству. Нам нужно найти другую платформу, другой способ поведения»⁹.

На следующий день конференция утвердила тезисы Рудзутака, которые легли в основу его доклада. Узнав об этом, Ленин изменил повестку дня пленума, назначенного на 8 ноября. Вместо обсуждения работы предстоящего VIII Всероссийского съезда Советов членам ЦК РКП(б) следовало рассмотреть единственный вопрос — «О конференции профсоюзов», по которому сразу же появилось два проекта резолюции: Ленин очень осторожно высказал идею сохранить независимость профсоюзов, а Троцкий продолжал настаивать на их огосударствлении, как это уже сделали с Цектраном.

Пленум большинством голосов поддержал Ленина: «ЦК признал, что вопрос, поднятый на профконференции, ещё требует дальнейшего обсуждения, которое может привести к устранению ряда имеющихся в данный момент разногласий среди членов ЦК (т.е. главным образом Ленина с Троцким. — Ю.Ж.)»¹⁰. Кроме того, пленум поручил Зиновьеву сделать на профконференции доклад, разъясняющий не очень ясную позицию ЦК. Но при выполнении поручения Григорий Евсеевич пошёл гораздо дальше. Хотя он ни разу не назвал фамилию Троцкого, фактически обрушился на него и его взгляды. «Если мы посмотрим на нынешнюю мобилизацию рабочих, — вполне откровенно заявил Зиновьев перед членами комфракции конференции, — то мы знаем, что эта мобилизация очень далека от идеи. Что рабочих приходится насильно привозить в город, что 20% из них разбегаются по дороге и что в этих случаях профсоюзам приходится играть роль не гостеприимного хозяина, а помогать нашему государственному аппарату выступать в роли органа принуждения. Профсоюзам приходится тушить стачки, иногда начинающиеся по самому ничтожному, пустому поводу, а иногда происходящими по таким поводам, что нам становится стыдно, что мы что-то прозевали или не заметили... Таким образом, профсоюзы выступают как будто против интересов рабочих... Вместо того чтобы объяснять, считаем возможным прибегать к репрессиям. Мы видим, как вместо того чтобы объяснять, чаще арестовываем. Никто из нас не заикается об арестах и репрессиях... Надо десять раз подумать, прежде чем арестовывать, а у нас десять раз арестовывают, вместо того чтобы десять раз подумать, и ссылаются на милитаризацию... так продолжать нельзя... Мы ясно должны осознать, что это может создать обстановку, похожую на кризис». И в конце выступления докладчик произнёс: «Мы не так глупы, чтобы в полосу, когда войны нет, вести дело теми же самыми методами, как во время войны»¹¹.

Зиновьев добился своего. Сначала комфракция, а затем и все делегаты профконференции поддержали пока ещё весьма обтекаемую, неотчётливую резолюцию пленума. Скорее всего, потому что услышали обещание отказаться от

⁹ Пятая Всероссийская конференция профсоюзов. Стенографический отчёт. Петроград, 1921. С. 65—74.

¹⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 38, л. 1.

¹¹ Там же, ф. 95, оп. 1, д. 17, л. 45—63.

милитаризации труда. Но ни члены ЦК РКП(б), ни делегаты профконференции даже не подозревали, что сделали первый шаг по пути к отказу от практики «военного коммунизма».

1921 год принёс новые напасти. 6 февраля Петроградский комитет РКП(б) (ПК) на очередном заседании вынужден был обсудить положение, сложившееся на промышленных предприятиях старой столицы из-за острейшей за последнее время нехватки угля и мазута. Не имея возможности что-либо предпринять, ПК принял уклончивое решение: во-первых, немедленно телеграфировать Ленину как председателю СНК «о тяжелейшем топливном положении в Петрограде», во-вторых, не позднее, как через 48 часов «окончательно решить вопрос о закрытии заводов». Последнее решение гласило: «В принципе должны быть закрыты заводы военной промышленности, учитывая в то же время политическое значение каждого завода в отдельности. Список закрываемых заводов должен быть разработан топливной “пятёркой”, которая должна использовать все предложения товарищей, высказанных на данном заседании». Однако ПК так и не взял на себя ответственность за закрытие предприятий. Это предстояло сделать Петросовету, созыв которого наметили на 9 февраля¹².

Ответ из Москвы оказался весьма оптимистичным. Владимир Ильич заверял: «Вчера Совет обороны решил купить 18,5 млн пудов угля за границей. Продовольственное положение улучшим, ибо сегодня решили дать ещё два поезда под хлеб с Кавказа»¹³. Между тем Петрограду и топливо, и хлеб требовались немедленно, «сегодня». Ведь обеспечить работу предприятий уже было невозможно, почему и пришлось, не дожидаясь прихода судов с углём, всё же закрыть 64 из 79 крупнейших заводов с числом рабочих свыше тысячи человек на каждом (в 1917 г. они давали четверть всей промышленной продукции страны). Среди них были «Путиловский» (машиностроительный и сталелитейный), «Айваз» (машиностроительный), Сестрорецкий (оружейный), «Сименс и Гальске», «Эриксон» (электромеханические), «Треугольник» (производство резины) и др. Так десятки тысяч человек в одночасье лишились не только работы и зарплаты, но и пайков, а главное — будущего.

Причину данного решения Петросовета Зиновьев поспешил разъяснить в статье «Судьба петроградской промышленности и Высовнархоз (ВСНХ. — Ю.Ж.)». Используя беспристрастную статистику, всю вину на произошедшее автор возложил на ВСНХ. В ноябре 1920 г., писал Григорий Евсеевич, петроградские заводы получили вместо предусмотренных 900 тыс. пудов угля лишь 147,3 тыс., всего же за вторую половину минувшего года — не 3 505, а только 2 775 тыс. пудов. Такое же положение сложилось с мазутом: его предприятия Петрограда должны были получить 4 987,7 тыс. пудов в июле—декабре 1920 г., но доставили лишь половину — 2 479,5 тыс.¹⁴

Уже было поздно выяснять, кто виновен в срыве поставок топлива: председатель ВСНХ А.И. Рыков или Троцкий. На улицы Петрограда вышли рабочие. Оказавшись безработными, они требовали топлива для своих заводов и фабрик, для домов, в которых жили, а также хлеба и ликвидации принудительного труда, заградотрядов, не дававших им возможности самим покупать у крестьян продукты, чтобы пополнять уменьшавшиеся с каждым днём пайки.

¹² Там же, ф. 17, оп. 13, д. 753, л. 10.

¹³ Ленин В.И. ПСС. Т. 52. М., 1970. С. 63.

¹⁴ Правда. 1921. 24 февраля.

18 февраля положение стало критическим, и ПетроЧК начала арестовывать рабочих, чтобы дознаться, кто среди них подстрекатели и заводилы¹⁵. Оказалось, что протестное движение стихийно и не имеет руководителей. Тогда 21 февраля ПК разработал программу предложений для назначенных на 22 февраля переговоров с комфракцией бюро петроградских профсоюзов. В программе предусматривалось: «Оставить работать те предприятия, на которых рабочая сила действительно может быть использована. По возможности отпустить трудмобилизованных в деревни, при этом учесть положение на железных дорогах. Обратит внимание на снабжение рабочих продовольствием и прозодеждой из местных ресурсов... В спешном порядке издать листовки, в которых коснуться вопросов свободы торговли, свободы труда и т.д. По возможности выпустить листовки к рабочим, к гарнизону, к крестьянам... Учитывая антисемитские настроения, пересмотреть состав ответственных работников — евреев в Петрокоммуне — Отделе управления, Комгорхозе, чтобы изъять спекулятивные элементы, вызывающие нарекания рабочих»¹⁶. Одним словом, ПК намеревался предложить профсоюзам, значимость которых свели на нет, именно то, что те сами должны были потребовать от Петросовета. Вместе с тем весьма показательным стало намерение ПК вывести из Петрограда трудмобилизованных, т.е. крестьян Северной области, которые вполне могли принести в город недовольство продрозверсткой и запретом на свободу торговли.

Всё же попытка ПК мирно разрешить возникшее противостояние с пролетариатом, от имени которого партия и осуществляла диктатуру, не удалась. Скорее всего, это произошло из-за ненадёжности петроградского гарнизона, о чём свидетельствовало требование издать обращённые к нему листовки. Поэтому уже 22 февраля бюро губкома удовлетворило просьбу председателя Петроградской губЧК Н.П. Комарова (Ф.Е. Собинова) передать ему «все вопросы, разрешение которых зависит от центра, чтобы он мог их поставить на пленуме ЦК партии». Бюро объявило «мобилизацию 100 коммунистов, работающих в советских учреждениях и умеющих выступать, используя их через агитотдел губкома для выступления на заводах», а также решило образовать «тройку» (бывший член реввоенсовета и исполнявший обязанности командующего 7-й армией М.М. Лашевич, после демобилизации введённый в президиум исполкома Петросовета; представители губполитпросвета и Петроградского военного округа), «в распоряжении которой находились бы все воинские силы, и без её ведома не производился бы ни один арест»¹⁷.

При окончательном формировании «тройка» стала Центральным штабом во главе с Лашевичем, куда вошли председатель Петроградского губкома профсоюзов Н.М. Анцелович и командующий войсками Петроградского военного округа Л.М. Авров. Кроме Центрального штаба, начавшего действовать 22 февраля, в каждом районе Петрограда была сформирована «тройка», состоявшая из парторганизатора, командира коммунистического батальона территориальной бригады и комиссара командных курсов, которых сразу начали снабжать оружием¹⁸.

¹⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 13, д. 754, л. 6.

¹⁶ Там же, д. 753, л. 13 об.

¹⁷ Там же, д. 754, л. 8.

¹⁸ Там же, д. 753, л. 15.

Посчитав данные меры недостаточными, 22 февраля Бюро ПК дополнило решение следующими уточнениями: «а) Для предприятий работающих. В случае возникновения волнений предприятия закрывать, производить перерегистрацию рабочих и перебрасывать их на другие предприятия. Предприятия группы «Водосвет», электрические станции, мельницы, хлебозаводы, крупные заводы вроде Балтийского, Путиловского должны быть усилены коммунистическими силами, и обращено внимание на снабжение этих предприятий продовольствием и прозодеждой; б) Для предприятий закрытых. Снести с тов. Зиновьевым о демобилизации трудмобилизованных. Немедленно разработать план об их эвакуации на родину, а остающуюся рабочую силу использовать более рациональным способом, в то же время выяснив вопрос с Москвой и о трудармейцах. Обратит внимание на заградительные отряды. Сменив их состав, введя соответствующий контроль, добиться через Москву увеличения норм провоза продуктов рабочими по удостоверениям соответствующих профсоюзов... Начать в газетах кампанию подробного разбора меньшевистских и эсеровских предложений с указанием на их несостоятельность... Предложить агитотделу губкома, чтобы без его ведома никакие собрания не устраивались»¹⁹.

В свою очередь, исполком Петросвета 24 февраля объявил в городе военное положение и восстановил отряды особого назначения, действовавшие во время обороны в 1919 г. В тот же день из-за начавшейся забастовки закрыли Трубный завод и табачную фабрику «Лаферн». Туда запретили пускать рабочих, а «в зависимости от хода событий» Бюро ПК и Центральному штабу поручили принять «экстренные меры к охране электрических станций “1896 год” и “Обуховская”»²⁰. Также 24 февраля ПК постановил: «Военное положение входит в силу с момента фактического опубликования. Хождение по улицам разрешается до 11 часов вечера... Иметь в районах дежурную роту днём и ночью. С работающих предприятий снимать коммунистов только с разрешения Главного штаба... Поручить Центральному штабу в кратчайший срок снабдить районы оружием... Провести мобилизацию коммунистов с военным опытом по указанию ПУока (Политического управления округа. — Ю.Ж.) для партийной работы (агитационной и пр[оч].) и по казармам... Выпустить обращение к рабочим от имени курсантов и Военной секции. Поручить ПТО (Петроградскому театральному отделу. — Ю.Ж.) закрыть театры несерьёзного характера по указанию районных штабов. Арестовать руководящую интеллигентскую группу с[оциалистов]-р[еволюционеров] и меньшевиков, аресты остальных руководящих групп поручить произвести ЧК по предварительному соглашению с районами»²¹.

С кем власти Петрограда готовились к вооружённым столкновениям на улицах города? Разумеется, с рабочими, а может быть, ещё и с красноармейцами гарнизона, так как о них трогательно позаботились: «Петрограду и районным комитетам немедленно приступить к действительному улучшению топливного положения в казармах»²².

Тем временем обстановка накалялась с каждым днём не только в Петрограде, но и в Москве. 24 февраля начальник Всеобуча и частей (или отрядов)

¹⁹ Там же, д. 754, л. 8 об.—9.

²⁰ Там же, д. 753, л. 15 об.

²¹ Там же, л. 15.

²² Там же, л. 15 об.

особого назначения Н.И. Подвойский и его заместитель К.А. Мехоношин сообщили Ленину: «Вчера на заседании ответственных работников в зале Московского совета в докладе секретаря МК тов. [В.Н.] Яковлевой было указано, что первая волна недовольства рабочих, возбуждённых голодом и на почве его организуемых антисоветскими партиями, была недели три назад — стачка металлистов, но схлынула. Неожиданно(!) вторая волна, более серьёзная, поднялась сегодня... Доклад тов. Яковлевой не точен. “Неожиданность” “второй волны” — признак окостенения московской организации и профсоюзов, их оторванность от масс и неспособность провести программу, которая вытекает из логики... На собрании беспартийной конференции один металлист говорил, что в царском строе министров за ошибки гнали, и заметил, что надо весь Совнарком погнать»²³.

В действительности Яковлева либо не знала, либо не хотела знать истинного положения дел в Москве. Ведь «первая волна» забастовок поднялась ещё 27 января на крупнейших предприятиях столицы (станкостроительный завод «Бромлей», машиностроительный — «Г. Лист», будущие «Красный пролетарий» и «Красный факел»). Это была та «волна», что заставила Бюро МК разрешить профсоюзу металлистов провести на данных предприятиях собрания с чёткой программой, касавшейся проблемы катастрофической нехватки продовольствия и слишком низких тарифных ставок. «Второй волной» для Яковлевой стало присоединение 23 февраля к уже бастовавшим предприятиям ещё одного — завода «Гужон» (позже «Серп и молот»). Вот это и заставило Бюро МК пойти на отчаянные меры: фактически объявить всеобщую мобилизацию коммунистов города (мужчин 17—50 и женщин 17—45 лет), зачислить их в отряды особого назначения, снабдив «полным комплектом оружия»²⁴.

Действия Бюро МК вынудили ПБ принять 24 февраля решение «О положении в Москве», призванное предотвратить кровопролитие и не допустить отрыва пролетарской партии от самого пролетариата: «Рассмотреть вопрос о разгрузке Москвы, Петрограда по политическим соображениям от трудмобилизованных, обсудив, в каких размерах и в каком порядке провести эту разгрузку и руководствуясь тем, что ЦК требует это немедленно... В связи с топливным кризисом и отпуском трудмобилизованных провести ускоренное закрытие менее необходимых предприятий, рассмотреть вопрос о роспуске откомандированных из армии на фабрики и заводы, сверстники которых демобилизованы. Распространить широко меры предосторожности и усиленной пропаганды, *во что бы то ни стало избегая столкновения между рабочими и красноармейцами, двинув для этого в районы отряды коммунистов без оружия...* Арестовать прежде всего лиц, не связанных непосредственно с фабрикой и заводом, и предоставить в ЦК свои соображения о сроках арестов второй очереди более широких кругов, ведущих сейчас контрреволюционную агитацию»²⁵.

Начиная аресты, ЦК не пренебрегал и пропагандой. По сути, отвечая на требования петроградских и московских трудмобилизованных (вчерашних крестьян), 17 и 26 февраля «Правда» опубликовала как дискуссионную статью известного социолога П.А. Сорокина и заведующего московским губземотделом М.И. Рогова «Развёрстка или налог?». Оба автора, опираясь на данные доклада

²³ Большевицкое руководство. Переписка. 1912—1927. М., 1996. С. 167—168.

²⁴ РГАСПИ, ф. 324, оп. 2, д. 13, л. 73.

²⁵ Там же, ф. 17, оп. 2, д. 57, л. 1—2; Большевицкое руководство... С. 190.

члена коллегии Наркомзема И.А. Теодоровича, сделанного на VIII Всероссийском съезде Советов, пришли к выводу: сокращение посевных площадей и падение урожайности являются причиной обеднения деревни, превращения её в самопотребляющую, т.е. больше не производящую товарной продукции. Поэтому Сорокин и Рогов предложили: «В целях укрепления крестьянского хозяйства и увеличения интенсивности производительности его развёрстка как форма государственной заготовки продовольствия, сырья и фуража заменяется натуральным налогом».

Эта публикация стала, скорее, зондированием отношения членов партии к возможности такого рода реформы, но, может быть, и завуалированным предложением отвергнуть идею продналога. Ведь не случайно Ленин многократно уничижительно отзывался о работах Сорокина, о чём редакторы и читатели «Правды» не могли не знать. Одновременно «Правда» начала публиковать передовицы (короткие статьи на первой полосе), резко критикуя требования, выдвигавшиеся петроградскими рабочими, не объясняя того, что происходило в колыбели революции. Так, в опубликованной 25 февраля первой статье такого рода «Враг не дремлет» утверждалось: «Рабочие должны знать, что когда создаются на фабриках, заводах и предприятиях затруднения продовольственные, топливные, производственные, то есть единственный путь преодоления — выяснение положения с представителями тех хозяйственных органов, которые это дело ведают, со своими избранными представителями в союзах и Советах. Лучше всего раньше выяснить положение и потом предъявлять требования, так как только тогда может быть найден выход».

«У нас, — отмечалось в передовице «Правды» от 27 февраля «Улучшать или разрушать», — плохие главки и центры? Проконтролируем их, обревизуем, увидим — что плохо, снимем кого нужно, исправим... Именно по этому пути идёт московский опыт, именно так и нужно лечить себя... Стойте, товарищи, на сторожевом посту. Охраняйте наш порядок. Не давайте спуска ни тем, кто портит своим мошенничеством, своими чванливыми нравами, своим бюрократизмом, ни тем, кто, притворяясь друзьями народа, хочет привести втихомолку колчаковщину». 1 марта в статье «Обнаглевшим врагам рабочего класса» редакция газеты обрушилась на меньшевиков и эсеров, выпустивших в Петрограде «гнусные прокламации, организующих забастовки», призыв: «За работу, друзья и товарищи! Дружно за дело, с верой в победу, с верой в торжество труда!».

Между тем ситуация в Петрограде стала критической, а 27 февраля она ухудшилась настолько, что Зиновьев, вынужденный обратиться за помощью к ПБ, настаивал: «1. Сегодня же дать директиву Наркомпроду о том, что по серьезнейшим политическим соображениям необходимо напрячь все силы, чтобы продержать город Петроград и его гарнизон в течение минимум трёх недель на нынешнем пайке. 2. Предложить Наркомпути пересмотреть вопрос о предоставлении Питеру 7 продмаршрутов в Сибирь, с тем чтобы эти маршруты заблаговременно продвигались к Екатеринбург и Тюмени. 3. Ассигновать сегодня же 20 миллионов рублей золотом специально для закупки предметов первой необходимости питерским и московским рабочим и послать с этой целью кроме наших уполномоченных по два-три беспартийных рабочих»²⁶.

Кроме того, Зиновьев предложил самый приемлемый, с его точки зрения, способ объяснить происходившее в Петрограде (недовольство рабочих выража-

²⁶ РГАСПИ, ф. 324, оп. 2, д. 13, л. 73.

лось слишком бурно и не первый день) и в то же время снять ответственность с бастующих. Он счёл необходимым обвинить во всём меньшевиков: мол, в городе появились прокламации (что было правдой), которые подстрекают рабочих выступать против власти, «обнаруживают характер контрреволюционной агитации»²⁷. Значит, основной удар следовало нанести именно по меньшевикам — врагам большевиков.

Данное объяснение, вполне устроившее ПБ, было им почти дословно использовано 28 февраля при принятии решения. Его первая часть гласила: «а) дать сегодня директиву Наркомпроду о том, что по серьёзнейшим политическим соображениям необходимо напрячь силы, чтобы поддержать город Петроград и его гарнизон в течение минимум 3-х недель на нынешнем пайке; б) предложить НКПС пересмотреть вопрос о предоставлении Питеру 7 маршрутов в Сибирь, с тем чтобы заблаговременно продвигались к Екатеринбург и Тюмени; в) ...СТО сегодня же ассигновать фонд до десяти миллионов рублей золотом на закупку предметов первой необходимости для рабочих, поручив Наркомвнешторгу послать с этой целью специальную делегацию за границу для ускорения и привлекая в эту делегацию представителей ВЦСПС».

Вторая часть решения включала меры репрессивного характера: «Арестованных меньшевиков не освобождать, поручить ЧК усилить аресты меньшевиков и эсеров, не исключая одиночек-рабочих, особенно в тех случаях, когда они выделяются своей активностью... Срочно запросить ВЧК о деятельности анархистов и других несоветских партий в связи с теперешними контрреволюционными выступлениями».

Наконец, решение содержало и персональное поручение Политбюро Ленину: в своём выступлении 28 февраля на заседании пленума Моссовета «поставить во главу угла оценки положения в РСФСР» содержание записки Зиновьева²⁸. Это поручение Владимир Ильич выполнил более чем своеобразно, повторив то, о чём говорил на собрании партактива Москвы ещё четыре дня назад. Тогда, оценивая ситуацию, Ленин, во-первых, сообщил, что «улучшения с продовольствием не будет. Запасов мы не оставили. Сейчас всё должно быть направлено на то, чтобы устоять, с максимальной устойчивостью вынести настоящее положение». Отсутствие хлеба он объяснил кулацкими восстаниями: «В бандитизме чувствуется влияние эсеров. Главные силы их за границей. Они мечтают каждую весну свергнуть советскую власть». Во-вторых, глава правительства уведомил слушателей, что «ухудшение распространилось и на топливо. Здесь нет точных цифр, ясного вывода сделать нельзя и нельзя также определить причины топливного кризиса... Мы принуждены останавливать предприятия и этим нарушать работу тех фабрик, которые даже имеют топливо... Топливный кризис сказался и на текстильных предприятиях, и они не в состоянии выполнять даже минимальную программу». Закончил выступление председатель СНК столь же пессимистически: «Мы пришли к выводу, что *имеется недовольство общего характера*». Однако поиск выхода из ситуации был отложен на будущее: «Съезд решит, а сейчас мы на боевом посту»²⁹.

²⁷ Меньшевики в большевистской России. Меньшевики в 1921—1922 гг. М., 2002. С. 113—118.

²⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 117, л. 6—7; фрагментарно: *Казанцев Б.Н.* Материалы государственных, партийных и профсоюзных органов // Трудовые конфликты в Советской России. 1918—1929 гг. М., 2010. С. 48—49.

²⁹ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 42. М., 1970. С. 348—350.

На пленуме Моссовета, уже получив послание Подвойского и Мехоношина, Ленин почему-то не захотел даже обмолвиться о забастовках и настроениях рабочих. Остановившись на продовольственном кризисе, он прежде всего признал ошибки, допущенные партией: «Когда был составлен план развёрстки, то успех показал нам возможность улучшения. Народ наголодался так, что нужно было улучшить его положение во что бы то ни стало... Мы не рассчитали, что если мы сделаем хорошо сейчас, то трудно будет в конце, и это было той ошибкой, благодаря которой мы стоим перед продовольственным кризисом теперь... Ту же самую ошибку мы сделали и с топливом». Но, говоря о нехватке продовольствия (что и будоражило рабочих Петрограда и Москвы), Ленин поначалу не сообщил ничего нового, продолжал отстаивать продрозвёрстку, сведя её к самой примитивной форме. «Выдать тому, — говорил он, — кому больше всего нужно, и взять с того, кто имеет большие излишки». По убеждению председателя СНК, такие излишки имелись у крестьян Украины, Северного Кавказа, Сибири. Трудности заключались лишь в том, что крестьяне «привыкли считать, что за такие излишки отдай им товары. Но откуда их взять, когда стоят фабрики. Ведь чтобы их пустить, нужно время».

Называя регионы, производившие хлеб, Ленин подчёркивал: «Зажиточное крестьянство там развращено. Оно не может понять, что есть рабоче-крестьянское правительство и что раз оно берёт хлеб, то для того, чтобы обеспечить положение рабочих и крестьян. До тех пор, пока мы не добьёмся там полного освещения всех этих вопросов, мы не перестанем получать известия о беспорядках, бандах, восстаниях. Это неизбежно, потому что неизбежны темнота, распылённость и озлобленность отдельных крестьян, которые остались нам в наследство от капитализма, которых нам нужно перевоспитывать годами. Это мы видим каждую весну».

И всё же в конце речи Ленин упомянул об альтернативе продрозвёрстки, о чём уже писали Сорокин и Рогов. Как бы мимоходом он заметил: «Когда беспартийные крестьяне говорят нам: “Давайте сообразовывать расчёт с тем, что мелкому крестьянину нужно, ему нужна уверенность — столько-то я дам, а потом хозяйничаю”, мы говорим: да, это дело, тут есть здравый смысл, совершенно соответствующий местным условиям. И пока мы не имеем машин, пока крестьянин не захочет сам перейти от мелкого хозяйства к крупному, *мы с этой мыслью считаться склонны* и на съезде партии через неделю вопрос этот поставим, разберём и *вынесем решение, которое удовлетворит беспартийных крестьян... и широкие массы*».

Так, даже за неделю до съезда глава правительства не отважился открыто объявить, что поддерживает отказ от продрозвёрстки. Что же касается сообщения Зиновьева, которое Ленин должен был поставить «во главу угла» своего выступления, то происходившее в Петрограде и Москве было сведено к поискам классового врага. «Вот от тов. Зиновьева из Петрограда, — заявил Владимир Ильич, — я имею телеграмму, где говорится о том, что в связи с проведёнными там арестами (кого, почему — не объясняется. — Ю.Ж.) у одного из задержанных найден листок, из которого ясно видно, что он является разведчиком заграничных капиталистов. Дальше имеется листок под заглавием “К верным” с контрреволюционным содержанием. Затем тов. Зиновьев сообщает о том, что в Петрограде расклеены листовки меньшевиков, в которых они призывают к забастовкам, а здесь, в Москве, раздули слух о какой-то демонстрации.

На самом деле был провокационный выстрел, которым был убит один коммунист. Это — единственная жертва этих несчастных дней»³⁰.

Ленин оставил тайным, сделал явным (но только для предельно узкого круга лиц) внутренний приказ ВЧК от 28 февраля 1921 г. От всех губЧК требовалось: «2. Изъять (т.е. арестовать. — Ю.Ж.) активных эсеров, меньшевиков и анархистов, *работающих на заводах и призывающих к забастовкам, выступлениям и демонстрациям*. Действовать особенно осторожно по отношению к рабочим и принимать... к ним репрессивные меры лишь при наличии конкретных данных об их контрреволюционной деятельности. 3. Решения об арестах лиц из рабочей среды принимать совместно с парткомами и всю эту работу обязательно согласовывать с ними. 4. Воздействовать на парткомы, губисполкомы и пр[оч]. в целях развития максимальной деятельности в направлении удовлетворения нужд рабочих. 5. ...Особенно зорко следить, чтобы все белогвардейские элементы из комсостава не подстрекали красноармейцев пускать в ход оружие против рабочих... 7. В случае выступления рабочих на улицу разлагать толпу включением в её состав своих людей — коммунистов. 8. На виду толпы арестов отнюдь не производить. 9. Обо всех забастовках и событиях подобного рода срочно доносить в ВЧК информационными телеграммами»³¹.

Итак, в тот же день — 28 февраля — «забастовки, выступления и демонстрации» петроградских рабочих, потребовавших защиты своих законных прав, отнесли к «контрреволюционным» деяниям, да ещё и тесно связанных с активностью эсеров, меньшевиков и анархистов. Между тем петроградские меньшевики своей прокламацией от 27 февраля отнюдь не стремились ни подтолкнуть рабочих к действиям, ни возглавить их, а всего лишь констатировали события. «Чаша терпения переполнилась, — отмечали меньшевики. — Голод и холод выгнали вас на улицу. Не боясь направленных против вас “рабоче-крестьянской” властью штыков и пулемётов, вы вышли и заявили: так дальше жить нельзя... Сотни наиболее сознательных и мужественных рабочих были схвачены и брошены в тюрьмы. Аресты продолжаются и сейчас... Товарищи, поддерживайте революционный порядок. Организованно и настойчиво требуйте освобождения всех арестованных социалистов и беспартийных рабочих; отмены военного положения; свободы слова, печати и собраний для всех тружеников; свободных пере выборов завкомов, профсоюзов и Советов»³².

Выступление Ленина на пленуме Моссовета «Правда» опубликовала через день, 2 марта. На следующий день жители старой столицы прочитали в городских газетах и расклеенных на стенах домов листовках воззвание «Ко всем труженикам и труженицам Петрограда», подписанное М.И. Калининым (председатель ВЦИК) и Г.Е. Зиновьевым (председатель Петросовета). Последний взял на себя смелость до открытия X съезда партии объявить о начале ломки системы «военного коммунизма».

Начиналось воззвание признанием катастрофического положения, о котором говорил Ленин: «Республика наша вновь переживает трудное время. Наступила весна, а весна все три года была для советской страны самым трудным временем. С хлебом плохо, с топливом плохо, с железными дорогами плохо. А Петрограду приходится особенно плохо. Из-за недостатка топлива нам

³⁰ Там же. С. 353—366.

³¹ Лубянка. Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—МГБ—КГБ. 1917—1991. М., 2003. С. 380—381.

³² Меньшевики в большевистской России... С. 113—114.

пришлось на время остановить часть наших фабрик и заводов. Это вызвало у рабочих понятную тревогу и недовольство. Из-за ряда причин нам пришлось на время сократить пайки. И это тоже вызвало законное недовольство». Далее в воззвании перечислялось то, что вроде бы делали: «Советская власть уже купила за золото за границей 10 миллионов пудов угля для Петрограда. Скоро мы начнём его получать, и опять оживут наши заводы. Советская власть даёт нам 7 маршрутных поездов за хлебом, и мы пошлём с этими маршрутами беспартийных представителей от всех крупнейших фабрик и заводов».

Сообщалось и о том, что делает Петросовет: «Советская власть всё готовила для того, чтобы питерские рабочие могли обработать и засеять в этом году побольше огородов... На этих днях будет приступлено к распределению сорока тысяч пар сапог, которые, конечно, будут выдаваться тем, кто работает, а не тем, кто вольтнирует (бастует. — Ю.Ж.)». Затем возвещалось о ликвидации важнейших деталей «военно-коммунистической» системы: «Всех рабочих, пришедших из деревни по трудовой мобилизации в Петроград, решено распустить немедленно, ибо они находятся в особенно тяжёлом положении. Красноармейцев трёх последних возрастов, временно задержанных в казармах в Питере и Москве, также решено распустить по домам... Ввиду желания, высказанного некоторыми фабриками и заводами, будет приступлено к созыву беспартийных рабочих конференций (профсоюзных собраний. — Ю.Ж.)».

Наконец, сообщалось о главном для сельского хозяйства страны: «Советская власть для облегчения положения всех крестьян России намечает переход от хлебной развёрстки к натуральному хлебному налогу, с тем чтобы лишь определённый процент хлеба шёл государству, а остальное — в полное распоряжение хозяина». Но завершалось воззвание угрозой: «Петроградский Совет предупреждает всех и каждого: ввиду провокаций белогвардейцев в Петрограде установлено военное положение. Всякий, кто посмеет нарушить революционный порядок, тот поплатится головой».

Там были и два прямых обращения к петроградскому пролетариату: «Вы были всегда опорой революции. Вами гордилась вся революционная Россия. Вы должны и теперь стать в первых рядах защитников рабоче-крестьянской революции»; «Петроградский Совет просит более передовых рабочих разъяснить положение более отсталым. Питерские рабочие должны, как и подобает сознательным рабочим, организованно преодолеть все препятствия и пережить трудное время. К станкам! На работу! К единству братских рядов всех тружеников Петрограда и России!»³³. Эти пункты воззвания естественны и понятны. Они — пусть пока ещё и обещания, но вполне конкретные, которые должны были если не снять, то хотя бы значительно ослабить напряжённость, угрожавшую восстанием.

Однако резким диссонансом прозвучало положение воззвания, касавшееся крестьян России. В связи с этим возникает вопрос: почему Калинин и Зиновьев, формулируя этот пункт, были столь категоричны? Конечно, они не преминули использовать сказанное Лениным 28 февраля. Вполне возможно, оба лидера использовали ещё один источник — проект постановления ЦК, представленный в тот же день комиссией в составе члена ПБ, председателя исполкома Моссовета Л.Б. Каменева, наркома продовольствия А.Д. Цюрупы и заместителя наркома земледелия Н. Осинского (В.В. Оболенского). В этом

³³ РГАСПИ, ф. 324, оп. 2, д. 13, л. 67—72.

проекте, который был снят с обсуждения (видимо, потому, что ещё до съезда партии требовалось решить проблему, связанную с немедленным расширением посевных площадей, резко сократившихся в 1920 г.), предлагалось: «В целях укрепления сельского хозяйства, увеличения засевов и поднятия производительности сельского хозяйства *развёрстка как способ государственной заготовки продовольствия, сырья и фуража заменяется натуральным налогом*» (повторялось ранее предложенное Сорокиным). Затем раскрывалась суть натурального налога: «Он взимается в виде процентного отчисления с засеянной десятины исходя из урожая, количества трудоспособных членов хозяйства и фактического наличия скота в хозяйстве... Общая сумма налога должна быть рассчитана на 1921 год в 350 миллионов пудов хлеба в зерне... Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выплаты ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть использованы в местном хозяйственном обороте. Наркомпрод создаёт специальный фонд хозяйственного инвентаря, оборудования и предметов широкого потребления, каковой расходуется исключительно как натуральная оплата за предметы продовольствия, сырья и фуража, сдаваемые производящим населением государству добровольно по выполнению причитающегося с них налога. ВСНХ даётся задание передать в 1921 году НКПроду такое количество тканей, соли, керосина, предметов сельскохозяйственного инвентаря, которое обеспечило бы добровольное поступление сверх плана 30 миллионов пудов хлеба, то есть вызвало бы расширение запашки на 1 миллион десятин»³⁴.

Скорее всего, данный проект Зиновьеву передал Каменев. Однако пункт воззвания: «Намечается переход от хлебной развёрстки к натуральному хлебному налогу» даже в предельно сокращённом виде и при отсутствии обещания свободы торговли лишь отчасти намекал на будущий нэп. Речь шла о простом товарообмене между городом и деревней. То, что 10 марта Ленин предлагал А.И. Рыкову, Х.Г. Раковскому (председателю СНК Украины) и Цюрупе: «Практически заинтересовать с одной стороны крестьян, а с другой — кустарей и фабрично-заводское население в обмене (вполне более организованного государственно) продуктов сельского хозяйства на продукты промышленности»³⁵.

Пожалуй, более симптоматичной стала резолюция Политбюро «О продовольственном положении республики», принятая по предложению бюро комфракции ВЦСПС в тот самый день, когда и было опубликовано воззвание Калинина и Зиновьева. Комфракция «сочла необходимым: а) снять заградительные отряды на всей территории республики за исключением тех местностей, где ещё не закончена заготовка основных продовольственных продуктов; б) пересмотреть и изменить план заготовки согласно реальной возможности Компрода и использовать заготовленные продукты... г) разрешить свободную заготовку фуража всем гражданам тех районов, где развёрстка прекращена; д) признать необходимым в недельный срок установить: в каких районах и в каком количестве имеется скоропортящихся продуктов на предмет распределения среди местного населения тех из них, которые не могут быть вывезены и использованы»³⁶.

³⁴ Там же, д. 27, л. 18.

³⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 52. С. 93—94.

³⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 118, л. 7.

Следовательно, в начале марта 1921 г. ПБ решало вопросы улучшения снабжения продовольствием рабочих немедленно, а не осенью, когда собрали бы новый урожай. Тем не менее и это не объясняет причину появления именно 3 марта пункта о продналоге в воззвании Калинина и Зиновьева. Что же заставило их вдруг вспомнить о крестьянах? Может быть, те восстания, которые Ленин называл «кулацкими бандами»? Вряд ли.

Известны три достаточно крупных крестьянских повстанческих движения 1920—1921 гг. Прежде всего не стихавшая с 1918 г. и охватившая Таврию и Херсонщину махновщина, анархическая по своей идеологии. Махновцы действовали против немецких и австрийских оккупантов, затем — против Деникина и Врангеля, дважды вступали в союз с Красной армией и его расторгали. Выступления продолжались не до отмены продразвёрстки, а до августа 1921 г. включительно, до бегства Н.И. Махно за рубеж.

Антоновщина — второе по продолжительности крестьянское повстанческое движение, начавшееся в августе 1920 г. на территории Тамбовской губ. с эсеровскими лозунгами: передать власть Учредительному собранию, признать легитимной партией «Союз трудового крестьянства». И лишь потом, в числе экономических требований прозвучал призыв отменить продразвёрстку. Весьма показательным, что именно 3 марта 1921 г. решением Секретариата ЦК РКП(б) была образована полномочная комиссия для борьбы с антоновщиной под председательством зампреда РВСР В.А. Антонова-Овсеенко в составе бывшего командующего 10-й армией А.В. Павлова, начальника политотдела той же армии Жабина, секретаря Тамбовского губкома Б.А. Васильева, председателя Тамбовского губисполкома Лаврова и уполномоченного ВЧК Аркуса³⁷. Комиссия действовала до конца июля 1921 г., когда антоновщина была ликвидирована.

Наконец, третьим по размаху и самым непродолжительным (31 января — июнь 1921 г.) крестьянским выступлением стало Западно-Сибирское восстание, которым также руководили эсеры.

Если бы восставшие в ходе этих антиправительственных движений (либо хотя бы в одном из них) действительно добивались отмены продразвёрстки, то противостояние завершилось бы в конце марта или в апреле. Но нет, целью этих выступлений являлось свержение власти большевиков.

Принципиально иным стал Кронштадтский мятеж (центр притяжения для меньшевиков, эсеров, анархистов), на подавление которого Кремль демонстративно направил 193 делегата X съезда РКП(б) и его гостей. 28 февраля (всё тот же критический день) в Кронштадте, последней базе Балтийского флота, на одном из двух ещё сохранивших боеготовность линкоров — «Петропавловске» собрались на митинг матросы, поддержав бастующих рабочих кронштадтских (электромеханического, ремонтного, деревообделочного) и петроградских заводов. Потребовали восстановления свободы торговли, перевыборов в Советы, упразднения заградотрядов. Всё это тут же поддержала команда и второго линкора — «Севастополь».

1 марта на встречу с продолжавшими митинговать матросами приехали Калинин и комиссар Балтийского флота Н.Н. Кузьмин. Они пытались, но не смогли успокоить толпу. Позже эти события описал работавший тогда в Коминтерне В. Серж (В.В. Кибальчич): «Основными виновниками мятежа, вы-

³⁷ Там же, оп. 112, д. 132, л. 47.

званием его своей грубостью и неловкостью, были Калинин и Кузьмин. Принятый кронштадтским гарнизоном с музыкой и приветственными криками, председатель ВЦИК Калинин, выслушав требования матросов, назвал их негодьями, эгоистами, изменниками и пригрозил им беспощадной карой. Кузьмин воскликнул, что недисциплинированность и предательство будут сокрушены железной рукой пролетариата. Их со свистом изгнали»³⁸. Давая столь отрицательную оценку выступлений Калинина и Кузьмина, Серж забыл о главном: кронштадтские матросы были уже не те, что в октябре 1917 г. Зиновьев так их охарактеризовал (уже после подавления мятежа): «Коморси (командующий морскими силами Республики, бывший контр-адмирал А.В. Немитц, занимал эту должность по декабрь 1921 г. — Ю.Ж.) и Раскольников (командующий Балтийским флотом до марта 1921 г. — Ю.Ж.) привели 7 000 молодых украинцев, никогда моряками не бывших. Как нарочно, собрали цвет махновщины, одели в морские мундиры, посадили на о. Котлин и дали в руки 12-дюймовые орудия»³⁹.

Резко усугубил ситуацию и арест делегации, посланной кронштадтцами в Петросовет для передачи и разъяснения своей резолюции. Видимо, именно поэтому на следующий день, 2 марта, балтийцы избрали Временный ревком, состоявший из бывших членов различных партий, занимавших антибольшевистские позиции. Председателем избрали левого эсера Петриченко, членами — меньшевиков Валька и Романенко, народных социалистов Орешина и Путилина, эсера-максималиста Ламанова (председатель Кронштадтского совета летом—осенью 1917 г.).

В ночь на 3 марта школа красных курсантов в полном составе ушла в Ораниенбаум, а население города и сухопутные части заняли нейтральную позицию. Скорее всего, именно тогда появилась листовка анархистов «Где власть, там нет свободы»: «Мы, анархисты, приветствуем революционных кронштадтцев, свергших ярмо исполкомов и комиссаров. Следуйте примеру кронштадтцев. *Красноармейцы, матросы, курсанты.* Помните, что кронштадтцы и бастующие рабочие несут за собою... вашу и свою свободу. Курсанты, не будьте юнкерами. Помогайте рабочим... *Крестьяне...* Вступайте в полный обмен с рабочими города. Не государству, а фабрикам и заводам, не власти, а рабочим давайте хлеб. Так как только от них вы сможете получить необходимые вам плуги, гвозди, лопаты. *Рабочие и работницы...* Нынешняя власть, называющая себя рабочей, смотрит на вас, как на трудовую машину, прикрепив к казённым профсоюзам. Принудительный труд — вот лозунг “рабочей” власти. Когда же вы отказываетесь подчиняться, когда вы бастуете, добиваясь свободного труда и появления своей инициативы, власть оповещает в газетах, что вы кем-то подкуплены... Устраивайте рабочие совещания на фабриках и заводах, налаживайте производство. Вступайте в соглашение с крестьянскими союзами для вольного обмена продуктами... Да здравствуют кронштадтские повстанцы и революция!»⁴⁰.

Трудно усомниться в том, что эта попавшая в руки ПетроЧК листовка (или иные, ей подобные прокламации) и неудачная поездка председателя ВЦИК к матросам породили не решительные меры против мятежников, а именно воз-

³⁸ Серж В. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. Оренбург, 2001. С. 155.

³⁹ РГАСПИ, ф. 324, оп. 2, д. 13, л. 78.

⁴⁰ Анархисты. Документы и материалы. 1883—1935 гг. В 2 т. Т. 2. М., 1999. С. 414—415.

звание Калинина и Зиновьева от 3 марта. Только 6 марта в Петроград, но всего на один день, прибыли Троцкий, С.С. Каменев (главнокомандующий всеми вооружёнными силами Республики), П.П. Лебедев (начальник Штаба РККА), М.Н. Тухачевский (командующий 7-й армией). Однако они ограничились всего лишь «Обращением РВСР и командования Красной армии к гарнизону и населению Кронштадта и мятежных фортов». В качестве последнего предупреждения, потребовавшего от «всех, поднявших руку против социалистического отечества, немедленно сложить оружие». Спустя два дня была предпринята неудачная попытка подавить мятеж. Наступила пауза. Бездействие с обеих сторон продолжалось девять дней.

Выступая 8 марта на X съезде партии с отчётным докладом, Ленин дал осторожную оценку событиям в Кронштадте: «Тут проявилась стихия мелкобуржуазная, анархическая, с лозунгами свободы торговли и всегда направленная против диктатуры большевиков. И это настроение сказалось на пролетариате... на предприятиях Москвы... на предприятиях в целом ряде пунктов провинции... Как бы ни была вначале мала или невелика... передвижка власти, которую кронштадтские моряки и рабочие выдвинули, они хотели поправить большевиков по части свободы торговли; казалось бы, передвижка небольшая, как будто бы лозунги те же самые: советская власть с небольшим изменением или только исправлением, а на самом деле беспартийные элементы служат здесь только подножкой, ступенькой, мостиком, по которому явились белогвардейцы... *Свобода торговли*, даже если она вначале не так связана с белогвардейцами, как... в Кронштадте, всё-таки *непрерывно приведёт* к этой белогвардейщине, к *победе капитала*»⁴¹.

Только неделю спустя, 15 марта, накануне успешного штурма Кронштадта, председатель СНК резко изменил свою позицию. Он больше не вспоминал о пролетариате, о том, что повлияло на положение предприятий страны, в том числе московских. Внезапно Ленин нашёл иной довод в пользу полной смены курса, замены продрозверстки продналогом. «Мне нет надобности, — ушёл он от объяснений, — подробно останавливаться на вопросах о причине такого пересмотра. Вы все, конечно, прекрасно знаете, какая сумма событий, особенно на почве крайнего обострения нужды, вызванной войной, разорением, демобилизацией и крайне тяжёлым неурожаем, какая сумма обстоятельств сделала положение крестьянина (а не обнищавшего, голодного и холодного пролетариата. — Ю.Ж.) особенно тяжёлым». И ещё раз Ленин добавил: «Мы знаем, что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах»⁴².

Совершенно иной характер носит восприятие событий первой недели марта меньшевиками, которые вместе с эсерами и анархистами были обвинены официальной пропагандой в подстрекательстве рабочих. Их сделали ответственными за происходившие волнения. Такое восприятие, хотя и основанное на слухах, тем не менее обладало бесспорной информативностью. 4 марта: «Уже есть “манифест” палачей Зиновьева и Калинина, обещающий рабочим восстановление частичной частной торговли, свободы выезда из Петрограда в деревни и т.д. Не подлежит уже теперь никакому сомнению, что *движение было чисто рабочим, к которому пристала часть матросов и красноармейцев*».

⁴¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 43. М., 1970. С. 24—25.

⁴² Там же. С. 57, 59.

5 марта: «Ходит молва, что в Петербурге была демонстрация, и в Москве стреляли холостыми зарядами, чтобы разогнать толпу... В Москве небольшая забастовка, сопровождавшаяся, может быть, попыткой демонстрации, а в Питере — забастовка всего Васильевского острова с более или менее серьёзными осложнениями... Участие кронштадтских матросов (активное) сомнительно, но очевидно, что и в Питере, и в Москве попытки рабочих брататься с Красной армией были». 7 марта: «Мы не знаем подробностей кронштадтских событий. Но мы знаем, что Кронштадт потребовал свободных перевыборов в Советы, освобождения социалистов и беспартийных рабочих, красноармейцев и матросов, арестованных в связи с рабочим движением, и созыва на 10 марта беспартийной конференции рабочих, красноармейцев и матросов для обсуждения выхода из того катастрофического положения, в котором находится Советская Россия». 8 марта: «На целом ряде фабрик и заводов (Петрограда. — Ю.Ж.) рабочие бастуют, требуя освобождения арестованных. На *единодушные требования петербургских и московских рабочих изменить политику* власть ответила арестами рабочих делегатов, а на резолюцию кронштадтских моряков и гарнизона о свободных перевыборах Советов — залпами из тяжёлых орудий»⁴³.

Несмотря на столь единодушную позицию, меньшевики всё же призывали: «Мы зовём рабочий класс не свергать советскую власть, а добиваться изменения её ошибочной и губительной для революции политики. Мы советуем рабочим действовать не беспорядочными стачками, а организованным проведением своих требований через советские органы... Рабочие должны добиваться свободы и восстановления хозяйства такими путями и средствами, которые не несут в себе опасности свержения советской власти и торжества контрреволюции»⁴⁴. Так и произошло: рабочие, хотя и не сразу, но добились своего.

Открывая 8 марта 1921 г. X съезд РКП(б), Л.Б. Каменев огласил порядок заседаний. Третьим — после рутинных, обязательных отчётов ЦК и Контрольной комиссии — был назван доклад Зиновьева «Профессиональные союзы и их роль в хозяйственной жизни страны». Тем самым предполагалось дать, наконец, ответ на один из самых злободневных вопросов, сотрясавших партию вот уже четыре месяца, а также без каких-либо затрат выполнить одно из основных требований рабочих Петрограда и Москвы.

Однако выяснилось, что Зиновьев не сможет своевременно приехать в столицу: его, как и Троцкого, задерживали кронштадтские события. В результате доклад Григория Евсеевича и соответствующая дискуссия состоялись только 14 марта, в первой половине дня. В пространном выступлении, ставшем завершением дискуссии о профсоюзах, Зиновьев убеждал делегатов согласиться с требованием его, а также Ленина, Томского, Рудзутака и остальных членов «десятки» сохранить независимость профсоюзов от государства, их организационную свободу, роль как защитника прав рабочих и вместе с тем «школы коммунизма». Докладчик убедил делегатов отвергнуть предложение Троцкого и Бухарина огосударствить профсоюзы и отклонить утопическое предложение «Рабочей оппозиции». В результате за предложение Зиновьева проголосовали 336 делегатов, Троцкого — 50, «Рабочей оппозиции» — 18, двое воздержались.

Уже 15 марта Ленину удалось провести резолюцию «О замене продрозвёрстки продналогом». День спустя съезд принял ещё одну — «Об улучшении

⁴³ Меньшевики в большевистской России... С. 135, 136, 140—142, 151.

⁴⁴ Там же. С. 140.

положения рабочих и нуждающихся крестьян», которую делегаты утвердили, несмотря на отсутствие необходимого в таких случаях обсуждения доклада её автора (позже выяснилось, что им оказался Ленин). В этой резолюции содержалось требование: «В кратчайший срок обеспечить, по крайней мере для рабочих важнейших центров республики (т.е. Петрограда и Москвы. — Ю.Ж.), такой паёк и такие условия жизни, которые действительно были бы для них стимулом оставаться на фабриках и заводах»⁴⁵.

17 марта части Красной армии вошли в Кронштадт и после коротких уличных боёв заняли его к утру 18 марта. Малая часть мятежников сумела уйти по льду в Финляндию, остальных арестовали и отправили в Ухту, в «дисциплинарную колонию», срочно созданную на северо-востоке Вологодской губ., где вскоре была образована автономная область — Коми (зырян).

Несмотря на быструю и практически бескровную победу, партия не забыла о данных на съезде обещаниях. Уже 21 марта резолюция «О замене продразвёрстки продналогом» стала постановлением ВЦИК, предоставив крестьянам, выполнившим государственные поставки, право свободно продавать свои оставшиеся «излишки» и покупать таковые у других. Более того, уже 28 марта вышел декрет СНК, согласно которому в трёх национальных автономиях и 41 губернии (в том числе в Петроградской и Московской) должны были «снять все заградительные отряды, действующие... как на гужевых... так и на железнодорожных и водных путях сообщения»⁴⁶. Правда, всего месяц спустя, 21 апреля, СТО всё же ввёл ограничения на доставку продовольствия в города. В частности указывалось, что все перевозки «могут проводиться лишь по требованию НКПрода, Центросоюза и их местных органов... Каждый едущий пассажир по железнодорожным и водным путям сообщения имеет право на провоз в виде багажа (каковой может состоять из одного продовольствия) 4 пуда, и в виде ручной клади — 1 пуд»⁴⁷.

Снятие заградотрядов должно было, по замыслу авторов постановления ВЦИК, немедленно облегчить положение рабочих крупнейших промышленных городов. И действительно, ситуация в столице значительно улучшилась, да и в Петрограде уже с 22 марта забастовки практически прекратились, что позволило председателю губпрофсожа Анцеловичу предложить бюро губкома партии снова взять на заводы и фабрики тех, кого уволили за участие в стачках⁴⁸.

Однако «умиротворение» было непродолжительным, так как не изменилось положение с продовольствием и топливом. 6 мая Зиновьев телеграфировал в Политбюро ЦК РКП(б): «Продовольственное положение Питера отчаянное. Свобода торговли Питеру ничего не дала, ибо в округе пусто. Вновь начались брожения на заводах. Нужны какие-то особые меры»⁴⁹. ПБ откликнулось не сразу, только 14 мая оно приняло постановление «О положении в Петрограде»: «В продовольственном отношении необходимо снабжение на 20% выше против Москвы... создать преимущество... с топливом, ассигновать дополнительно

⁴⁵ Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчёт. М., 1963. С. 610.

⁴⁶ ДСВ. Т. XIII. М., 1989. С. 125—126.

⁴⁷ Там же. Т. XIV. М., 1997. С. 125—126, 283—284.

⁴⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 13, д. 754, л. 15.

⁴⁹ Там же, ф. 324, оп. 2, д. 13, л. 95; Трудовые конфликты... С. 88.

золотой фонд в 5 миллионов рублей на покупку продовольствия, растянув его на 3 года»⁵⁰.

Через две недели, 30 мая, 3-я сессия ВЦИК, основываясь на данном постановлении и обсудив вопрос «О петроградской промышленности», приняла резолюцию: «Закрепить за Петроградом 18,4 млн пудов угля, уже закупленного за границей... Поставить Петроград в одинаковые условия с Москвой... Те предприятия, которые признано будет необходимо оставить, должны быть на деле обеспечены всем необходимым, а рабочие поставлены в такое положение, чтобы они не имели импульса уходить с фабрик и заводов... в деревню... Использовать все доступные средства для закупки продовольствия для Петрограда... Прекратить дальнейшую выкачку из Петрограда технического оборудования, находящегося в деле... Усилить работу на Волховстройке... Возвратить Петрограду хотя бы часть тех квалифицированных рабочих, которые в течение трёх лет были откомандированы в провинцию на административную работу... Создать постоянную комиссию помощи Петрограду при Совете труда и обороны из тт. Ленина, Зиновьева и Смильги» (начальника Главного управления по топливу ВСНХ РСФСР. — Ю.Ж.)»⁵¹.

В столь пространной резолюции, наконец, было признано катастрофическое положение промышленности Петрограда и трудившихся на его фабриках и заводах рабочих, вынужденных выступать в защиту своих законных прав, завоеванных в Октябре. Поэтому демонтаж военно-коммунистической системы продолжился, только теперь шли навстречу не крестьянству, а пролетариату.

Ещё 24 марта постановлением ВЦИК и СНК ликвидировали одиозный Главный комитет по всеобщей трудовой повинности (Главкомтруд), передав все его «функции и права» Наркомтруду. На него возложили (но только «при необходимости») «проведение трудовой мобилизации и организацию трудовых частей». Между тем органы охраны труда — центральный и местные, а также тарифные отделы, прежде входившие в структуру Главкомтруда, передали ВЦИК, благодаря чему они обрели былое положение и силу. Более того, данный нормативный акт отменял постановления ВЦИК и СНК от 3 и 5 февраля 1920 г., содержавшие правовые основы проведения всеобщей трудовой повинности⁵².

Всего через неделю, 9 марта, очередное постановление СТО разрешило самую болезненную проблему, созданную военно-коммунистической системой, — принудительного закрепления рабочих и служащих за отведёнными для них Главкомтрудом и ВСНХ фабрикам, заводам, учреждениям. Наркомтруду и ВЦСПС поручили «установить в кратчайший срок порядок облегчённого перехода рабочих и служащих из одного предприятия в другое» с несущественной, на первый взгляд, оговоркой: «когда это вызывается серьёзными бытовыми, семейными и производственными обстоятельствами»⁵³. Но, как известно, такие при желании находились у всех и всегда.

Не так успешно закончились попытки ликвидировать трудовые армии, хотя тому должна была способствовать начавшаяся по решению VIII Всероссийского съезда Советов демобилизация. Согласно принятому 30 марта поста-

⁵⁰ ДСВ. Т. XV. М., 1999. С. 208.

⁵¹ Там же. С. 205—207.

⁵² Там же. Т. XIII. С. 270—271.

⁵³ Там же. С. 291—293.

новлению СТО, военное ведомство должно было передать Наркомтруду все трудовые армии с 1 апреля по 1 мая⁵⁴. Всего за полторы недели (1—9 апреля) в бессрочный отпуск отправили красноармейцев (в том числе трудармейцев) 1886—1895 гг. рождения, т.е. всех, старше 26 лет. Однако РВСР, пытаясь даже в ходе демобилизации сохранять по численности наибольшие вооружённые силы, которые предстояло сократить с 5,5 до 1,5 млн человек, всячески саботировал постановление СТО. Полностью ликвидировали трудовые армии лишь к 30 декабря 1921 г. И это оказалось единственным затянувшимся мероприятием в ходе проведённых СТО преобразований. Они завершились 15 июня, всего через три месяца после окончания X съезда РКП(б), когда были отменены: «1. Общее положение о милитаризации государственных учреждений и предприятий, утверждённое положением от 28 ноября 1919 года и последовавшее в развитие его постановление Совета труда и обороны. 2. Все положения центральной власти, каких бы учреждений и предприятий они ни касались... о милитаризации на основании указанных выше постановлений»⁵⁵. Показательно, что данное предложение внёс в СТО П.А. Богданов (28 мая утверждённый председателем ВСНХ вместо Рыкова), казалось бы, больше других заинтересованный в сохранении милитаризации труда.

После того как было покончено с военно-коммунистической системой и её принудительным трудом, не имевшим ничего общего с марксизмом, руководству страны предстояло восстановить народное хозяйство и окончательно вернуть доверие пролетариата, обеспечив их продовольствием и предметами широкого потребления, а фабрики и заводы — топливом и сырьём.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. Т. XVI. М., 2004. С. 105—108.